ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Книга 18

ФИНАНСЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

от ассигнаций до краха рубля

Виталий Гурьев

Виталий Гурьев

Финансы Российской империи и СССР: от ассигнаций до краха рубля

«Автор»
2026

Гурьев В.

Финансы Российской империи и СССР: от ассигнаций до краха рубля / В. Гурьев — «Автор», 2026

Задолго до ваучеров в России были биржа, акционерные общества и государственные займы. Эта книга рассказывает о финансовой истории страны от Петра I до 1991 года. Вы узнаете, как Екатерина II выпустила первые бумажные деньги, как работала Петербургская биржа, почему царские облигации покупали по всей Европе и чем закончились эти займы. Мы разберем золотой червонец эпохи НЭПа, советские облигации и сберкассы, а также причины, по которым рубль потерял доверие в конце 1980-х. Книга поможет вам увидеть корни сегодняшнего российского рынка.

© Гурьев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Казна Петра I 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Виталий Гурьев
Финансы Российской империи и СССР: от ассигнаций до краха рубля

Глава 1. Казна Петра I

Представьте, что вы получили в наследство большой, но запущенный дом. Крыша течёт, соседи угрожают, а в кошельке лежат мелкие монеты разного веса, которые лавочники принимают с подозрением. Чтобы привести дом в порядок, вам нужно сразу много денег, а зарабатывать их вы умеете медленно и неуклюже. Примерно в таком положении оказался молодой Пётр, когда в самом конце семнадцатого века решил превратить Московское царство в морскую державу. С его попыток найти деньги на бесконечную войну и начинается финансовая история, о которой пойдёт речь в этой книге.

Возможно, вы открыли эту книгу, потому что у вас есть брокерский счёт и вам интересно, откуда взялся российский рынок. Может быть, у вас в семейном архиве лежит пожелтевшая облигация или сберкнижка с цифрами, которые давно ничего не значат. Обе эти ситуации знакомы нашим постоянным спутникам. Марине тридцать шесть лет, она экономист из Самары и бережно хранит бабушкины облигации вместе со сберкнижкой, вклад на которой растаял в 1991 году. Илье двадцать шесть, он разработчик из Перми, недавно открыл брокерский счёт и ради любопытства купил на интернет-аукционе красивую царскую облигацию, которая теперь висит у него в рамке.

Марина и Илья задают одни и те же вопросы, только с разных сторон. Почему государство в России так часто нарушало денежные обещания? Почему люди то верили бумажным деньгам, то бежали от них к золоту, серебру и товарам? Почему в стране, где задолго до ваучеров работали биржа и акционерные общества, рынок несколько раз почти исчезал? Чтобы ответить на эти вопросы честно, нам придётся начать с тех времён, когда сама мысль о бумажных деньгах казалась невозможной.

Петровская эпоха выбрана отправной точкой не случайно. Именно Пётр впервые подчинил всю финансовую жизнь страны одной цели и одной логике, а его методы потом повторялись в разных формах на протяжении почти трёх столетий. Порча монеты ради казённого дохода, налог на всё, что можно сосчитать, казённая монополия на ходовой товар, создание ведомства, которое пытается свести доходы с расходами, — всё это вы встретите в книге ещё не раз. Поэтому полезно увидеть, как эти инструменты родились и как работали в самом начале.

Впрочем, сначала нужно сделать шаг назад, в царствование отца Петра, Алексея Михайловича. При дворе молодого царя хорошо помнили историю, которая стала для русской казны первым большим уроком. Этот урок касался доверия к деньгам, и его суть стоит понять прежде всего остального. Без него трудно объяснить, почему Пётр, при всей своей дерзости, обращался с медными деньгами осторожнее, чем можно было ожидать.

В середине семнадцатого века Россия вела тяжёлую войну с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию. Денег на жалованье войскам не хватало, своего серебра в стране не добывали, а иностранные монеты, из которых чеканили русские копейки, приходилось покупать у европейских купцов. Правительство нашло, как ему казалось, простой выход: начиная с середины 1650-х годов оно стало выпускать медные копейки и приравняло их по номиналу к серебряным. Медная копейка стоила в металле в десятки раз меньше серебряной, но по закону должна была приниматься наравне с ней. Казна платила служилым людям медью, а налоги старалась собирать серебром.

Первые годы новинка работала, потому что люди привыкли верить царскому указу и медной монеты было относительно немного. Затем выпуск разросся, к нему добавились многочисленные подделки, и медь стала стремительно дешеветь. К началу 1660-х годов за один серебряный рубль на рынке давали уже около пятнадцати медных, а цены на хлеб и другие продукты выросли многократно. Особенно страдали городские низы и мелкие служилые люди, которые получали жалованье медью, а покупать еду вынуждены были по рыночным ценам. Возмущение копилось, и в июле 1662 года в Москве оно прорвалось наружу.

Медный бунт начался с подмётных листов, в которых обвиняли бояр и богатых купцов в подделке денег и наживе на народной беде. Несколько тысяч москвичей отправились в подмосковное село Коломенское, где находился царь, и потребовали выдать виновных. Власти подавили выступление жестоко: многих участников убили на месте, других казнили или сослали. Однако на этом история не закончилась, потому что правительство поняло главное: силой можно разогнать толпу, но нельзя заставить людей доверять деньгам. В 1663 году медные копейки отменили и выкупали у населения по ничтожному курсу, примерно по серебряной копейке за медный рубль.

Посмотрите на этот эпизод глазами современного человека. Государство объявило, что дешёвый металл стоит столько же, сколько дорогой, и какое-то время рынок с этим соглашался. Когда же количество таких денег перестало соотноситься с реальными потребностями торговли, номинал потерял смысл, а расплачиваться пришлось самым беззащитным. Через сто лет похожая логика привела к рождению бумажных денег, а ещё через несколько веков к инфляциям, которые хорошо помнят родители Марины. Медный бунт стоит запомнить как первую русскую историю о том, что доверие к деньгам дороже любого указа.

Теперь вернёмся к Петру и посмотрим, какое денежное хозяйство он получил. Основной монетой страны оставалась крошечная серебряная копейка неправильной формы, которую чеканили из расплющенной проволоки. За форму и размер такие монеты прозвали чешуёй, и действительно, кошелёк с ними напоминал горсть рыбьих чешуек. Наряду с копейками ходили деньга, равная половине копейки, и полушка, равная четверти копейки. Крупных монет не было вовсе, поэтому любой серьёзный платёж превращался в долгий и утомительный пересчёт.

Серебро для чеканки по-прежнему поступало из-за границы, главным образом в виде европейских талеров, которые в России называли ефимками. Купцы, торговавшие с иностранцами через Архангельск, обязаны были сдавать казне часть полученной валюты по установленному курсу. Казна переплавляла талеры и выпускала из них копейки, зарабатывая на разнице между стоимостью металла и номиналом монет. Этот доход назывался монетной прибылью, и он был одним из немногих источников, которые правительство могло быстро увеличить. Пётр очень скоро понял, насколько полезен такой инструмент для человека, которому срочно нужны деньги.

Деньги Петру были нужны срочно и постоянно, потому что почти всё его царствование прошло в войнах. Азовские походы середины 1690-х годов показали, что без флота и регулярной армии Россия не может тягаться с соседями. В 1700 году началась Северная война со Швецией, которая продолжалась более двадцати лет и закончилась только Ништадтским миром 1721 года. За эти годы Россия построила флот на Балтике, создала регулярную армию по европейскому образцу, основала новую столицу на болотах и возвела множество крепостей. Каждый из этих проектов стоил огромных денег, а старая московская казна не была рассчитана даже на половину таких расходов.

Попробуем представить масштаб этой нагрузки на понятном примере. Историки, изучавшие сохранившиеся росписи доходов и расходов, оценивают, что армия и флот в отдельные годы поглощали до двух третей всех государственных расходов, а то и больше. Для сравнения вообразите семью, которая отдаёт две трети дохода на охрану дома и ремонт забора, а на еду, одежду и учёбу детей оставляет лишь треть. Долго так жить можно только в двух случаях: если

доход растёт или если семья готова отказаться почти от всего остального. Пётр пошёл обоими путями одновременно, и именно поэтому его финансовая политика выглядит такой изобретательной и такой жестокой.

После поражения под Нарвой в 1700 году положение стало отчаянным. Армия потеряла почти всю артиллерию, а для отливки новых пушек, по известному преданию, с церквей снимали колокола. Этот рассказ хорошо показывает настроение тех лет: ресурсы искали везде, где их можно было найти, не считаясь с традициями. Денежное хозяйство не стало исключением, и в первые годы войны Пётр провёл реформу, которая изменила облик русских денег на два столетия вперёд.

Реформа шла поэтапно и заняла несколько лет на рубеже веков. Около 1700 года начали массово чеканить медную мелочь: деньгу, полушку и даже полуполушку, то есть одну восьмую копейки. В 1701 году появились крупные серебряные монеты, которых Россия до того не знала: полтина, равная пятидесяти копейкам, полуполтинник и гривенник, равный десяти копейкам. Наконец, в 1704 году отчеканили серебряный рубль, по размеру и весу близкий к европейскому талеру, то есть около двадцати восьми граммов. До этого рубль существовал только как счётная единица, примерно так, как сегодня мы говорим о «тысяче», не имея в виду конкретную купюру.

Для обычного человека перемена оказалась огромной. Если раньше крупную покупку приходилось оплачивать горстями крошечных копеек, то теперь можно было отдать несколько полновесных монет. Купцам стало проще считать, казне проще собирать налоги, а армейским казначеям проще выдавать жалованье. Монеты новой чеканки были круглыми, с гуртом и чёткими изображениями, что затрудняло обрезание краёв, распространённое мошенничество того времени. Старые проволочные копейки ещё долго ходили наравне с новыми, но постепенно уходили из оборота.

Главным новшеством, которое делает реформу Петра заметной в мировой истории, стала её десятичная логика. Рубль делился на десять гривенников, гривенник на десять копеек, и никаких дробных курсов вроде двадцати шиллингов в фунте или двенадцати пенсов в шиллинге не было. Англичане пересчитывали фунты, шиллинги и пенсы вплоть до 1971 года, а Соединённые Штаты ввели десятичный доллар только в 1792 году. Франция перешла на десятичный франк ещё позже, в годы революции. Россия, таким образом, почти на столетие опередила крупнейшие страны Запада в том, что сегодня кажется очевидным: в денежной системе, где всё делится на сто.

Стоит ли гордиться этим как гениальным изобретением? Отчасти да, однако важно понимать, что Пётр, вероятно, руководствовался практическими соображениями, а не любовью к математике. Счёт в копейках существовал на Руси давно, и рубль как счётная единица уже равнялся ста копейкам. Пётр лишь воплотил эту привычную схему в реальных монетах, выбрав понятные номиналы. Простота пошла на пользу всем, кто считал деньги, но истинной целью реформы было другое: казне требовался инструмент, позволяющий быстро увеличивать доход.

Этим инструментом стала порча монеты, которой Пётр пользовался весьма активно. Под порчей понимают уменьшение содержания драгоценного металла в монете при сохранении прежнего номинала. Если раньше из определённого количества серебра чеканили сто копеек, а теперь начинают чеканить сто двадцать, то двадцать лишних копеек достаются казне без всяких налогов. На протяжении царствования Петра вес и проба серебряных монет несколько раз снижались, причём каждое снижение давало казне быструю прибыль. Монетный доход в первые годы Северной войны оказался одним из самых важных источников покрытия военных расходов.

Ещё выгоднее была медная монета. Медь стоила значительно дешевле серебра, а номиналы медных денег Пётр устанавливал так, что из пуда металла чеканили монет на сумму, в несколько раз превышавшую его рыночную стоимость. Казна покупала медь, превращала её в

деньги и платила этими деньгами подрядчикам, солдатам и чиновникам. Разницу между ценой металла и номиналом, по существу, оплачивали все владельцы денег через постепенный рост цен. Иными словами, порча монеты действовала как скрытый налог, о котором никто не голосовал и который никто не объявлял.

Почему же медь при Петре не вызвала нового бунта, как при его отце? Ответ кроется в мере и в устройстве системы. Пётр не пытался приравнять медную монету к серебряной на крупных платежах, а использовал её прежде всего как разменную мелочь. Серебряный рубль оставался основой денежной системы, а медные деньги выполняли роль дополнения. Кроме того, урок 1662 года не забыли, и правительство старалось не допускать слишком резкого обесценения, хотя цены в годы войны всё равно заметно выросли.

Здесь полезно вспомнить о себе. Когда цены в магазине растут быстрее, чем зарплата, вы ощущаете это как потерю части дохода, хотя никто не забирал у вас деньги напрямую. Именно так работала порча монеты: человек получал прежнее количество копеек, но мог купить на них меньше. Разница уходила государству, которое потратило свежие монеты раньше, чем цены успели подняться. Механизм, придуманный задолго до Петра, в разных формах будет повторяться на страницах этой книги, и вы научитесь узнавать его под любой маской.

Одной порчей монеты войну оплатить было нельзя, поэтому Пётр искал и другие источники дохода. Для этого он привлёк к работе людей, которых современники называли прибыльщиками. Задача прибыльщика состояла в том, чтобы придумать новый сбор, новую пошлину или новую монополию и подать проект государю. Самые удачливые из них получали награды, чины и место в государственной службе. Фактически Пётр устроил непрерывный конкурс налоговых идей, где победителем становился тот, кто находил ещё один источник денег.

Самым известным прибыльщиком был Алексей Курбатов, бывший дворовый человек боярина Шереметева, который во время путешествия с хозяином по Европе увидел гербовую бумагу. Вернувшись, он в 1699 году подкинул в приказ письмо с предложением ввести такую бумагу в России. Суть идеи была проста: всякий договор, прошение или официальный документ отныне следовало писать на особой бумаге с гербом, которую продавала казна по цене, зависевшей от суммы сделки. Пётр оценил предложение, назначил Курбатова на должность и щедро наградил. Гербовая бумага прижилась надолго, а её потомков, различные пошлины за оформление документов, вы встречаете и сегодня.

Другие прибыльщики оказались не менее изобретательны. Облагались постоялые дворы и бани, мельницы и рыбные ловли, пчельники и даже дубовые гробы, которые по указу продавались только казной по высокой цене. Вводились сборы с извозчиков, с домашних печей, с продажи огурцов и арбузов в отдельных местах. Не все эти налоги приносили много денег, некоторые давали лишь мелочь при огромных хлопотах сборщиков. Однако общая картина ясна: государство искало деньги в каждом уголке повседневной жизни, стремясь обложить всё, что можно было обнаружить и сосчитать.

Особое место в этом ряду занимает налог на бороды, о котором вы наверняка слышали. С 1705 года мужчины, желавшие сохранить бороду, обязаны были платить ежегодный сбор, размер которого зависел от сословия. Богатые купцы платили до ста рублей в год, что было огромной суммой, придворные и служилые люди около шестидесяти, а крестьяне платили по копейке при каждом въезде в город. Плательщику выдавали медный бородовой знак, подтверждавший, что сбор внесён. Доход от налога был невелик, но он прекрасно иллюстрирует сочетание фискальных и политических целей, характерное для Петра.

Налог на бороды нередко вспоминают как курьёз, но в нём есть серьёзная деталь, важная для нашей темы. Пётр использовал налог не только для пополнения казны, но и как инструмент изменения поведения. Человек, который хотел следовать старым обычаям, мог это делать, но за деньги. Позднее подобная логика будет повторяться в акцизах на алкоголь и табак, где государство одновременно зарабатывает и пытается ограничить потребление. Противоречие

между этими двумя целями мы подробно разберём, когда дойдём до споров о казённой продаже водки в начале двадцатого века.

Гораздо больше денег, чем мелкие сборы, приносили казённые монополии. Монополией называют ситуацию, когда продавать определённый товар может только одно лицо, в нашем случае государство или назначенный им откупщик. В 1705 году казённой монополией стала торговля солью, и цена на неё поднялась примерно вдвое. Соль в те времена была товаром первой необходимости: без неё нельзя было заготовить на зиму рыбу, мясо и овощи. Повышение её цены ударило по каждому дому, зато обеспечило казне стабильный доход, который невозможно было обойти.

Монополии распространились и на другие товары. Казна контролировала торговлю табаком, смолой, поташом, рыбьим жиром и рядом других товаров, особенно тех, что шли на экспорт. Поташ, то есть получаемая из золы щёлочь, широко использовался в Европе для производства стекла, мыла и тканей, а смола была нужна для пропитки корабельных снастей. Продавая такие товары иностранцам через казённые каналы, государство получало валюту и могло диктовать цену. Частные купцы при этом теряли выгодные сделки, что тормозило развитие отечественного предпринимательства.

Здесь стоит остановиться и разобрать типичную ошибку, которую делают многие, впервые знакомясь с петровскими финансами. Кажется, что монополия — это всегда хорошо для казны: продаёшь товар дороже и зарабатываешь больше. На практике высокая цена порождала контрабанду, подделку и хищения, а содержание аппарата контроля съедало значительную часть дохода. Кроме того, монополия убивала частную инициативу в целых отраслях, и через несколько лет казна получала меньше, чем могла бы получать от налогов на свободно развивающуюся торговлю. Многие монополии позднее отменили именно потому, что они перестали оправдывать себя.

Все перечисленные источники имели один общий недостаток: их доход был непредсказуемым. В удачный год казна собирала больше, в неудачный меньше, а война требовала регулярных, ежемесячных выплат. Петру нужен был налог, который давал бы стабильные и большие поступления. Таким налогом стала подушная подать, пожалуй, самое долговечное финансовое изобретение петровской эпохи.

До Петра основным прямым налогом была подворная подать, то есть сбор с каждого крестьянского двора. Крестьяне быстро нашли способ уменьшить нагрузку: несколько семей объединялись в один двор, огораживая его общим забором. В результате число дворов по переписям сокращалось, а доход казны падал, хотя население страны не уменьшалось. Пётр решил, что облагать надо не дворы, которые легко скрыть, а людей, точнее, мужчин, которых можно пересчитать поимённо.

Для этого потребовалась грандиозная перепись, которую назвали ревизией. Она началась в 1718 году и с проверками и исправлениями растянулась на несколько лет, вплоть до середины 1720-х годов. Переписчики, а затем военные ревизоры объезжали деревни и записывали всех лиц мужского пола независимо от возраста, от младенцев до стариков. Каждого такого человека называли ревизской душой, и именно отсюда пошло выражение «мёртвые души», которое через сто лет прославил Гоголь. Мёртвая душа — это человек, который умер после ревизии, но до следующей ревизии продолжал числиться в списках как налогоплательщик.

Размер подати рассчитали очень по-петровски: сначала определили, сколько стоит содержание армии, а затем поделили эту сумму на число душ. Первоначально выходило восемьдесят копеек с души в год, но в 1724 году ставку снизили до семидесяти четырёх копеек. Государственные крестьяне, то есть не принадлежавшие помещикам, платили сверх того ещё сорок копеек оброка, а посадские люди, жители городов, платили один рубль двадцать копеек. Деньги на содержание полков напрямую шли туда, где были расквартированы войска, а сами полки во

многом участвовали в сборе подати. Так армия стала не только главным потребителем налога, но и его сборщиком.

Подушная подать сразу дала ощутимый результат. По оценкам историков, к концу царствования Петра она приносила больше половины всех доходов казны, а общие доходы выросли примерно до восьми с половиной миллионов рублей в год. Для сравнения, в начале Северной войны доходы государства измерялись тремя-четырьмя миллионами рублей. Конечно, часть этого роста объяснялась порчей монеты и ростом цен, но и в реальном выражении нагрузка на население увеличилась очень заметно. Налог продержался более полутора столетий, и его отмена, о которой мы поговорим в одной из следующих глав, стала заметным событием эпохи реформ.

Попробуйте оценить подушную подать глазами крестьянской семьи. Предположим, в семье отец, двое взрослых сыновей и двое маленьких мальчиков, то есть пять ревизских душ. Семья должна платить подать за всех пятерых, включая младенцев, которые ещё ничего не зарабатывают. Если кто-то из сыновей умер, налог за него всё равно нужно вносить до следующей ревизии, то есть годами. Неудивительно, что круговая порука, при которой община отвечала за недоимки каждого своего члена, стала обязательной частью системы.

Подушная подать имела и последствия, которые выходили далеко за пределы финансов. Она окончательно привязала крестьян к месту жительства, поскольку налогоплательщика нужно было найти, а свободное передвижение мешало сбору. Для передвижения ввели паспорта, без которых человек не мог отлучиться дальше определённого расстояния от дома. Помещики стали ответственными за сбор подати со своих крестьян, что усилило их власть над крепостными. Финансовое решение, принятое ради армии, укрепило крепостное право и заложило основы той социальной системы, которую Россия разбирала потом весь девятнадцатый век.

Огромные суммы, поступавшие в казну, нужно было учитывать, и здесь Пётр столкнулся с ещё одной проблемой. Финансами Московского царства управляли десятки приказов, каждый из которых собирал свои доходы и тратил их на свои нужды. Один и тот же налог мог поступать в несколько учреждений, а о размере общих доходов и расходов государства никто точно не знал. Если бы вы попробовали управлять семейным бюджетом, в котором зарплата мужа, премии жены и пенсия бабушки лежат в разных шкатулках без общего учёта, вы бы быстро поняли трудности петровских чиновников.

В 1718–1720 годах Пётр заменил приказы коллегиями, устроенными по шведскому образцу. Финансами ведали три коллегии, и их разделение показывает, насколько современным был замысел. Камер-коллегия отвечала за доходы, то есть за сбор налогов и поступления от монополий. Штатс-контор-коллегия ведала расходами и распределением средств между ведомствами. Ревизион-коллегия должна была проверять, соответствуют ли фактические траты утверждённым назначениям.

По сути, Пётр попытался ввести принцип, который сегодня кажется очевидным любому бухгалтеру: доходы, расходы и контроль должны находиться в разных руках. Тот, кто собирает деньги, не должен сам их тратить, а тот, кто тратит, не должен сам себя проверять. На практике разделение работало плохо: не хватало грамотных чиновников, отчётность запаздывала, а многие ведомства по-прежнему пытались распоряжаться доходами самостоятельно. Тем не менее сама идея единого учёта была заложена именно в петровское время.

Сохранившиеся документы позволяют получить общее представление о бюджетах того времени, хотя историки до сих пор спорят о точных цифрах. Первую попытку свести государственные доходы и расходы в единую картину предприняли около 1710 года, и тогда выяснилось, что расходы превышают доходы. Дефицит покрывали самыми разными способами: задержкой жалованья, монетной прибылью, чрезвычайными сборами. Росписи, которые

составлялись в конце царствования, были полнее, но и они не охватывали всех поступлений. Важно другое: государство начало хотя бы пытаться считать свои деньги целиком.

Одну деталь петровских финансов стоит отметить особо, потому что она окажется очень важной для следующих глав. Пётр практически не пользовался займами, ни внутренними, ни внешними. Европейские монархи того времени уже вовсю занимали у банкиров и выпускали долговые обязательства, а Англия и Голландия создали целые рынки государственного долга. Россия же оплачивала войну исключительно текущими доходами, порчей монеты и прямым принуждением. Отчасти это объяснялось отсутствием банков и кредитной культуры, отчасти недоверием европейских финансистов к далёкой и малоизвестной стране.

Отсутствие долга можно считать достоинством, и некоторые историки так и делают. Петровская Россия вышла из Северной войны без внешних обязательств, которые нужно было бы выплачивать десятилетиями. Однако у этой медали была оборотная сторона: вся тяжесть войны легла на нынешнее поколение, а не распределилась между несколькими. Крестьяне платили, служилые люди задерживали жалованье, купцы теряли выгодные сделки из-за монополий. Займы позволяют растянуть нагрузку во времени, а без них её приходится нести здесь и сейчас.

Теперь разберём несколько распространённых ошибок в восприятии петровских финансов, которые встречаются даже в популярных книгах. Первая ошибка состоит в убеждении, что Пётр создал современную налоговую систему. На самом деле он создал систему, эффективную для сбора денег, но крайне несправедливую и плохо приспособленную к развитию экономики. Подушная подать не учитывала доход плательщика: бедная семья и зажиточная платили одинаково за каждую душу. Современные налоги основаны на совсем другом принципе, и путь к нему занял почти два столетия.

Вторая ошибка — считать, что десятичная монетная система была главным достижением реформы. Удобство счёта действительно важно, но оно не защищало людей от порчи монеты. Красивый рубль весом с талер постепенно терял серебро, и вес монеты, выпущенной в конце царствования, заметно уступал первым образцам. Для владельца денег значение имеет не то, на сколько частей делится рубль, а то, сколько товаров на него можно купить через год. Этот вопрос будет проходить красной нитью через всю книгу.

Третья ошибка заключается в том, чтобы оценивать петровские финансы только по росту доходов казны. Доходы действительно выросли, но значительная часть роста была достигнута за счёт истощения населения. Современники и историки отмечают, что к концу царствования многие деревни опустели, а недоимки по подушной подати накапливались годами. Бегство крестьян на окраины, в казачьи земли и за границу стало массовым явлением. Финансовая система, которая выжимает деньги без оглядки на завтрашний день, похожа на хозяйство, которое съедает семенное зерно.

Попробуйте перенести этот урок на собственные деньги. Представьте, что вы ради покупки машины берёте подработку, отказываетесь от отпуска, перестаёте заниматься здоровьем и спите по пять часов. Машину вы купите, но через год можете обнаружить, что силы на исходе, а доход упал. Государство в этом смысле не отличается от человека: краткосрочный рывок возможен, но за него приходится платить потом. Пётр совершил свой рывок, и его преемники несколько десятилетий расплачивались за напряжение петровских лет.

Что же досталось наследникам после смерти Петра в 1725 году? Прежде всего крепкая денежная система, основанная на серебряном рубле и десятичном счёте, которая прослужила с изменениями до начала двадцатого века. Досталась и подушная подать, тяжёлая, но надёжная, ставшая на долгие десятилетия главным прямым налогом империи. Достались коллегии, которые при всех своих недостатках приучили государство к мысли о необходимости учёта. Наконец, досталась традиция широкого использования казённых монополий и монетной прибыли.

Вместе с этими достижениями преемникам перешли и тяжёлые проблемы. Недоимки по подушной подати исчислялись миллионами рублей, казна была пуста, а армия и флот требовали прежних расходов даже в мирное время. Население было истощено, многие хозяйства разорены, и первые же правительства после Петра вынуждены были снижать подать и прощать часть недоимок. В стране не было ни банков, ни развитой системы кредита, ни рынка ценных бумаг, хотя всё это в Европе уже существовало. Петровская Россия научилась собирать деньги, но ещё не научилась их одалживать и приумножать.

Подведём итог первой главы, не повторяя её целиком. Пётр унаследовал хрупкую денежную систему, память о Медном бунте и казну, неспособную оплатить большую войну. Он создал рубль, полтину и гривенник, сделал российские деньги десятичными, широко пользовался порчей монеты, привлёк прибыльщиков, ввёл монополии и подушную подать, попытался навести порядок с помощью коллегий. Всё это позволило выиграть Северную войну, но ценой огромного напряжения и без создания механизмов кредита. Для Марины эта история объясняет, почему у её бабушки было инстинктивное недоверие к государственным обещаниям, а Илья, глядя на свою облигацию, теперь понимает, что до такой бумаги русской казне предстояло пройти ещё очень долгий путь.

Первые шаги на этом пути сделали не при самом Петре, а при его преемниках. В следующие четыре десятилетия, между смертью Петра и восшествием на престол Екатерины II, в России появились первые правила для векселей, первые государственные учреждения, выдававшие ссуды, и первые банки. Их судьба оказалась непростой, а некоторые эксперименты закончились полным провалом. Тем не менее именно тогда русская казна впервые попробовала не только собирать деньги, но и одалживать их подданным. В следующей главе мы посмотрим, как это происходило и чем закончились первые опыты государственного кредита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.